

Георгий Голубенко

ЧИЖИК-ПЫЖИК

К тому времени (начало 80-х), когда мы с Георгием Голубенко и Леонидом Сущенко решили совместить писание пьес и прочего с выступлениями на эстраде, наша кавээновская известность уже стала сходить на нет. Но литературная программа называлась у нас «Одесса улыбается», и именно это обеспечило нам на протяжении нескольких лет аншлаги во многих городах страны: от Бреста до Кемерово. Люди шли «на Одессу»; наша же задача была не обмануть их ожиданий.

Вроде бы получалось.

Помню, что читали мы разные тексты: сцены из пьес, специально написанные эстрадные монологи и миниатюры, отвечали на записки, импровизировали.

Публикуемый ниже рассказ был предложен Гариком Голубенко в программу в самом начале. Он читал «Чижика...» сам, читал замечательно, и я помню, как это его мастерское чтение придавало всей программе изысканность и литературный шарм.

Со временем выяснилось, что это вообще был первый рассказ, написанный Гариком. Написанный еще тогда, когда он и не догадывался, что таких рассказов им будет придумано больше сотни.

Один другого краше...

Валерий Хаит

На зятя своего, Борю, Серафима Павловна пожаловаться не могла. Зять был непьющий, добрый, даже пенсию тещину в семейный бюджет не включал. «Вы эти деньги себе на черный день собирайте, мама», – ласково говорил он. И Серафима с грустью думала, что когда этот день настанет, она благодаря Бориным заботам будет богата как никогда в жизни.

Сам же Борис зарабатывал много, хотя еще при знакомстве Серафима никак не могла понять, что это за профессия такая – нападающий, и Аллочке пришлось объяснять ей, что по профессии Боря инженер, но работать он начнет позже, когда кончит играть. А до того времени, объяснял Боря, нужно успеть и одеться как следует, и мир посмотреть, и квартиру обставить мебелью...

– Так ведь она у нас и так обставлена, – искренне удивлялась Серафима. – Вот шкаф стоит, кровать, пианино, этажерка, и еще есть три стула, просто их сейчас не видно, потому что мы на них сидим!..

– Ах, мама, – задушевно отвечал Боря, – может быть, это и кровать или, как вы говорите, этажерка, но только все это не мебель. Мебель – это совсем другое! Ну ничего, положитесь на меня, и через пару лет вы свою собственную квартиру уже не узнаете...

За каждый забитый гол зятю платили премию, и играл он, пока собирали на мебель, очень результативно. Первой из квартиры исчезла кровать, которую Серафима подарила Аллочке в качестве приданого, – и в тот же день Боря привез из магазина ящик, в котором оказалась дюжина полированных досок, огромная плюшевая подушка и примерно полведра шурупов устрашающего размера, вымазанных машинным маслом.

Появление этого добра Серафима встретила спокойно – в конце концов, спать на этих шурупах предстояло не ей. Значительно тяжелее было расставаться со старым трехстворчатым шкафом. Он напоминал молодость и уютные вечеринки с чаем, семечковой халвой и соседями. На этих вечеринках у каждого был свой «номер», в том числе и у шкафа: в самый разгар веселья, когда сосед Эдуард Евтихиевич начинал рассказывать леденящие душу истории про покойников (он был сторожем на кладбище и часто сталкивался с ними по работе), дверь шкафа без всякой видимой причины с таинственным скрипом открывалась. Все замирали на своих местах, с ужасом ожидая, что же будет дальше. Но дальше не происходило ничего, и старый шкаф в такие минуты становился похожим на слегка выжившего из ума дедушку, который хотел развлечь гостей веселым фокусом, но помнил его только до половины...

Теперь «дедушку» решили поменять на «Хельгу». Копили на нее довольно долго, и когда до нужной суммы оставалось забить всего один гол, Боря пригласил на матч всю семью. И Серафима видела,

как он забил его, и вся команда обнимала зятя, и тысяча совершенно незнакомых людей на трибунах целовали друг друга, будто радовались, что теперь наконец у Бори будет полный гарнитур.

Утром следующего дня состоялся разговор, которого Серафима давно ждала и боялась.

– Ну вот, – сказал Боря, удовлетворенно оглядев комнату, – а туда мы поставим торшер-бар, – и он указал на угол, где стояло пианино.

– Какой такой «торшер-бар»? – испуганно спросила Серафима, неуверенно выговорив незнакомое слово. – А инструмент куда?! Инструмент куда денем, Боренька?!

– Да поймите, мама, – уговаривал зять, – у нас тахта новая, «Хельга», к нам интеллигентные люди в гости ходят, а тут этот гроб с музыкой! Просто смешно, честное слово... Ну зачем вам эта рухлядь?!

– А этот... торшер-бар нам зачем? – упорствовала Серафима.

– Чтобы вино ставить, – объяснял Боря.

– Так ведь у нас никто не пьет...

– А торшер – чтоб книжки читать, – объясняла Аллочка.

– Так ведь у нас никто не читает...

– Ну, знаете!.. – отрезал зять. – На пианино у нас, слава Богу, тоже никто не играет! И вообще, я уже объявления повесил, сегодня покупатели придут.

И он ушел на тренировку.

– Не расстраивайся, мамуля, – сказала Аллочка и, подхватив на руки двухлетнего Сержика, понесла его на английский.

А Серафима, оставшись одна, начала вспоминать всякое и расстраиваться.

Это было очень давно, как будто в другой Серафиминой жизни. В той жизни была она маленькой девочкой, и был у нее папа, путевой обходчик, человек добрый, но глубоко пьющий. И еще был старый поросший бурьяном сад, откуда летними вечерами доносилась волшебная музыка. Серафима знала, что если в такой вечер пробраться в конец сада, то сквозь щель в заборе можно увидеть, как на веранде соседской дачи играет на пианино молодая женщина. Серафима слушала затаив дыхание. Отец однажды, увидев ее в такую минуту, поклялся бросить пить и на выручен-

ные деньги приобрести инструмент, чтобы она училась. Но в тот же день от радости, что принял столь благородное решение, так наполнился, что чуть не пустил под откос товарный поезд.

Так что пианино было куплено уже гораздо позже, когда Серафиминой Аллочке исполнилось семь лет, и алиментов, которые накопились за это время, как раз хватило на покупку инструмента.

– Видите ли, – объяснял ей в конце первого учебного года Аллочкин учитель, высокий мужчина с тонкими нервными пальцами виртуоза-неудачника, – теоретически игре на фортепиано можно обучить каждого. Но примерно один раз в сто лет рождается человек, которого учить не нужно. Он и сам все умеет. Например, Ференц Лист. И так же редко рождаются люди, которых тоже учить не нужно, потому что научить их просто невозможно. Например, Аллочка...

Только через много лет опять возникла надежда. Сержик был мальчиком способным. Это стало ясно с первых месяцев. Но зять сразу положил конец всем тещиным планам.

– Значит, так, – определил он, – английский, французский, фигурное катание, бокс – и всё! Хватит. Нечего портить мальчику детство...

В общем, как ни крути, выходило, что пианино в доме уже ни к чему. Но согласиться с тем, что его нужно продать, Серафима Павловна никак не могла. Ну не могла – и всё... «Если кто придет, скажу – продали», – решила она.

И тут ее размышления прервал звонок. За дверью стояла Леська – восьмилетний плод греховной любви черноволосой, похожей на молодую ведьму красавицы дворничихи из их дома. Ведьма с дочкой приехали из села вдвоем всего год назад, но сейчас в дворницкой в ожидании городских квартир уже теснилась вся их многочисленная родня.

– Здрасьте, – сказала Леська. – Я по объявлению. Это вы продаете пианино в хорошем состоянии?

– А ты что же – купить хочешь? – спросила Серафима.

– Та откуда ж у нас гроши? – хитро прищурилась Леська. – Я поиграть хотела, пока вы его не продали...

– А ты умеешь?

– Угу... – серьезно сказала Леська и стала играть.

И Серафима с первых же звуков почувствовала, что сейчас ей предстоит испытать то же самое, что и тогда, давным-давно, в заброшенном саду, оставшемся где-то в ее другой жизни.

– Где ж ты так научилась, Господи? – спросила она, когда все кончилось. – У вас же и инструмента-то нету?..

– Подумаешь! – махнула рукой Леська. – А я стол расчертила. Получилось как клавиши, очень удобно... А потом еще в музыкалке по вечерам...

И она опять начала играть, а Серафима – слушать.

Незаметно подкрался вечер, а когда Леська собралась уходить, Серафима, совершенно неожиданно для себя, вдруг предложила:

– А хочешь, я тебе это пианино подарю?..

– Хочу... – очень тихо сказала Леська.

– Ну так считай, что оно твое...

– Ой, спасибо! – засуетилась Леська. – Так я сейчас сбегая дядьев позову, чтобы снесли...

– Подожди, – робко попросила Серафима, – ты меня, это... научи играть что-нибудь простенькое, если можно...

– Ну конечно, можно, тетечка, вот хотя бы «Чижик-пыжик». Это совсем просто... Вот, смотрите: прямо над замочком две клавиши через одну: чи-жик, пы-жик – запомнили? А теперь первая справа от замочка и вниз: где-ты-был?.. А дальше...

– Хватит! – взмолилась Серафима. – Дай Бог хоть это выучить...

И Леська убежала. А Серафима начала играть «Чижика», и играла его очень долго, бесчисленное количество раз, и, может, оттого ей вдруг показалось, что уже не она играет, а сам этот таинственный ящик задает ей простой и глупый вопрос: «Где ты был?.. Где ты был?.. Где же ты был, чижик?..».

Потом пришла Аллочка с Сержиком.

– Продала?! – радостно спросила дочка, еще с порога заметив, что пианино нет. – Вот умница! Представляешь, а мы как раз торшер-бар достали! Боря его в магазине караулит, а я хотела в сберкассу за деньгами... Но теперь уже не надо, раз пианино продано... Давай скорее, мамочка!

И Серафима Павловна, не говоря ни слова, пошла в соседнюю комнату и вынесла оттуда деньги, приготовленные на черный день.